

ТРОПЫ БОРИСА ВИАНА В МАКРОКОНТЕКСТЕ

Н.Е. Макарова

Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, Россия, 214000

В работе исследуется система тропов как важная составляющая идиостиля французского писателя Бориса Виана, дается функционально-стилистическая характеристика тропов при их использовании в макроконтесте. Анализ показывает, что виановский текст интенсивно тропеичен, напоминает скорее поэзию, чем прозу.

Ключевые слова: идиостиль, тропы, метафоры, метонимия, сравнения.

Творчество Бориса Виана представляется уникальным явлением французской литературы середины XX столетия. Его идиостиль является предметом изучения уже многие десятилетия. В нашем исследовании его творчества мы уже касались темы тропов в его прозе, его метафор [3] и сравнений [2]. Здесь рассматривается функционирование тропов в макроконтесте, их взаимодействие с другими стилистическими средствами. Понятие макроконтеста включает текст объемом от абзаца до целого текста. Проанализируем отрывок из романа Б. Виана «L'Arrache-sœur», главу седьмую из второй части романа [4. С. 105—106].

Два последних романа Б. Виана «L'Herbe rouge» и «L'Arrache-sœur» являются тонкой пародией на психоанализ, который обрел мировое признание в годы написания этих романов и который автор категорически не признавал.

Один из главных героев романа «L'Arrache-sœur» Жакмор — странный человек, по его утверждению, появившийся на свет два года назад и совершенно лишенный всякого эмоционального и духовного начала. Он — психоаналитик и надеется посредством психоанализа «заполнить» себя чувствами, желаниями, переживаниями. С этой целью он и приезжает в деревню. Жакмору удалось «пропсихоанализировать» лишь два существа — черного кота и человека по имени Ла Глоир, собирателя пороков жителей деревни. Оба умирают по окончании сеанса. Жакмор обречен занять место Ла Глоира. В романе нет описания сцены психоанализа черного кота.

В исследуемой нами главе Виан лишь рисует поэтическую картину результатов этого эксперимента. На наш взгляд, автор здесь имплицитно дает краткое изображение всего жизненного пути Жакмора в романе:

24 mars.

Le vent traînait des pailles sur le chemin, pailles arrachées aux litières par les minces brèches des portes, pailles volantes des abords de grange, pailles anciennes des meules oubliées au soleil. Le vent s'était levé matin. Il avait raclé la surface de la mer pour lui prendre le sucre blanc des embruns, il avait grimpé la falaise, faisant sonnailler les bruyères stridentes, il tournait autour de la maison, se taillant un sifflet du moindre recoïn, soulevant, ça et là, une tuile plus agile, roulant des feuilles de l'automne passé,

filigrane bruni ayant échappé à la succion du compost, tirant des ornières une draperie de poudre grise, écorchant de sa râpe la croûte sèche d'anciennes flaques.

Un tourbillon se formait à l'orée du village. Des brindilles, des herbes folles se mirent à girer, sommet d'un cône incertain. La pointe se déplaçait capricieusement, comme la mine d'un crayon suit la courbe de niveau; il y avait près du haut mur gris une chose noire, spongieuse et plastique; la pointe s'en approcha dans un zigzag imprévu. C'était l'enveloppe vide et légère d'un chat noir, d'un chat sans substance, impalpable et sec. Le tourbillon le roula sur le chemin, efflanqué, disloqué, comme un journal roule sur une plage, avec de grands gestes gauches; le vent tendait des fils aigus de bruit aux pointes des herbes hautes — le fantôme de chat quitta le sol dans un bond grotesque et retomba de guingois. Une saute de vent le plaqua contre une haie, puis le reprit, pantin désossé, pour la valse suivante. Le chat bondit soudain au-dessus du talus, car le chemin tournait; il coupa à travers champs; il courait parmi les pointes vertes des épis naissants, s'électrisant à leur contact, voltigeant de place en place, tel un corbeau ivre, et vide du vide parfait du végétal sec, comme la paille ancienne des meules oubliées au soleil.

Объектом описания в отрывке становятся самые прозаические события, которые обретают особые параметры. Мир предстает здесь как средоточие эмоционально и оценочно окрашенных образов. В описании автор использует три формы дескрипции: анемографию, то есть описание ветра, прагматографию, то есть изображение действия, и топотезию, то есть описание вымышленной местности.

Весь текст представляет собой развернутую метафору. Ключевыми являются слова, образующие микромодель и резюмирующие суть описания *le vent*, *le chat*, повторенные 4 и 9 раз соответственно.

Формально и содержательно глава делится на две части. В первой части анализируется состояние ветра, его беззаботное существование, его власть над всем окружающим миром — прообраз Жакмора в начале романа. Во второй части в круг забав персонифицированного ветра автор вводит второе главнее действующее лицо — шкурку «пропсихологизированного» кота — и анализирует их взаимоотношения. В конце отрывка главным действующим лицом становится сама шкурка.

Текст носит описательный характер. Время и движение сюжета романа останавливаются, уступая место динамике сиюминутно происходящего действия. Отрывок содержит 88 существительных, 3 инфинитива, 23 прилагательных, 4 причастия прошедшего времени, 9 деепричастий, 23 глагола в личной форме, из них 9 в *Imparfait*, 2 в *Présent*, 3 в *Plus-que-parfait*, 9 в *Passé simple*. Структура текста — 10 повествовательных предложений. В лексическом составе отрывка наиболее широко представлены темы: движение (действие), пространство, время, смерть, пустота, природа.

Отрывок насыщен пространственной лексикой, представленной разными грамматическими категориями и лексико-семантическими группами: 1) **субстантивная лексика**: содержащая дифференцированную пространственную сему *le chemin* (3 раза), *des abords de grange*, *des meules* (2 раза), *la mer*, *la falaise*, *la maison*, *des ornières*, *l'orée*, *le village*, *une plage*, *le sol*, *une haie*, *le talus*, *les champs*; содержащая потенциальную пространственную сему *les portes*, *le recoin*, *des flaques*,

le mur; 2) **вербальная лексика**: указывающая на перемещение объекта в пространстве, характеризующая способ перемещения, направление движения *traîner, grimper, tourner* (2 раза), *rouler* (3 раза), *tirer, se déplacer, s'approcher, tendre, retomber, bondir, couper, courir, voltiger*; указывающая на существование объекта в пространстве, глагол «бытия» *être* и оборот *il y a*; указывающая на расположение и изменение положения в пространстве *se lever, soulever, girer, plaquer*; 3) **адъективная лексика**: обозначающая размер *mince, haut* (2 раза); обозначающая пустоту пространства *vide* (2 раза); 4) **адвербиальная лексика**, уточняющая пространственные параметры *de guingois, de place en place*.

Мотив дороги связывает в единое целое все содержание главы. Локальная лексика выстраивает динамику передвижения ветра и шкурки по всем ключевым местам жизненного пути Жакмора в романе: утес, дом, деревня и дорога через поля, соединяющая их.

Временная лексика представлена немногочисленными, но семантически важными грамматическими категориями и лексическими группами: 1) **субстантивные формы** меры времени *le matin, l'automne*; 2) **вербальные формы**: означающие начало и окончание действия *se mettre, quitter, reprendre* и последовательность действия *suivre*; 3) **адъективные формы**: выражающие длительность существования предмета *ancien* (3 раза), *sec* (3 раза) и временную соотнесенность действия *passé, suivant, naissant, imprévu*; 4) **адвербиальные формы**: выражающие темпоральную соотнесенность действий *puis* и способ их совершения *soudain*.

Темпоральные глаголы создают непредсказуемость, возобновляемость движения, а темпоральные существительные и прилагательные очерчивают временные рамки происходящего. Семантика большей части прилагательных актуализирует прошлое, и лишь три из них *suivant, naissant, imprévu* выстраивают ненадежную перспективу: все самое важное у Жакмора позади, впереди незавидная судьба Ла Глоира.

Ветер персонифицируется, оживает в движении, потому что каждое его действие — глагольная метафора или олицетворение, выраженные личными формами глаголов и деепричастиями: *traînait les pailles, avait raclé la surface de la mer, avait grimpé la falaise, tournait, se déplaçait capricieusement, roula, tendait, plaqua, reprit, faisant sonnailler, se taillant, soulevant, roulant, tirant, écorchant*. Олицетворение ветра усилено наречием *capricieusement*. Шкурка кота также приобретает персонифицированные черты, вовлеченная в оживленные действия ветра посредством олицетворения и субстантивной метафоры: *puis le reprit pour la valse suivante*. И наконец шкурка, метонимически обретя статус живого существа посредством лексемы *le chat*, окончательно оживает в самостоятельном движении с помощью вербальной метафоры, выраженной личными формами глаголов *bondit, coupa, courait* и деепричастия *voltigeant*. Движение ветра сопровождается метафорическим звуковым рядом *faisant sonnailler les bruyères stridentes; se taillant un sifflet du moindre coin; le vent tendait des fils aigus de bruit aux pointes des herbes hautes*. В последнем примере синестезия в генитивной конструкции конкретное/абстрактное приводит в соответствие форму и звук.

Описание шкурки кота происходит с помощью контекстуальных синонимов, выполняющих сначала функцию конкретизации, которая затем переходит в противоположную функцию — размывание контуров описываемого предмета. Здесь происходит взаимодействие двух синонимических рядов, где в первом *une chose, l'enveloppe, le fantôme, le végétal* прослеживается метафорически-метонимический образ шкурки кота. Здесь шкурка отождествляется с предметным и растительным миром и миром небытия. А во втором ряду настойчиво констатируется, гиперболизируется ее опустошенность *vide, sans substance, vide du vide*.

Ветер посредством контекстуальных синонимов метонимически отождествляется с миром движения *un tourbillon, une saute de vent*. Образные замены с ситуативной расшифровкой, приращением смысла создают метафорические синонимы, выраженные сильным приложением в описании природы: *des feuilles de l'automne passé, filigrane bruni; des brindilles se mirent à girer, sommet d'un cône incertain*; в описании шкурки кота *puis le reprit, pantin désossé*. Через компаративные конструкции вихрь ветра, обозначенный метонимически *la pointe*, оказывается вовлечен в контекст предметного мира: *la pointe se déplaçait capricieusement, comme la mine d'un crayon suit la courbe de niveau*, где образ создан метонимическим олицетворением, субъект которого осуществляет замену по принципу предмет — его носитель, а шкурка кота включается в контекст животного и растительного миров: *voltigeant de place en place tel un corbeau ivre; comme la paille ancienne des meules oubliées au soleil*. Сравнения и метафоры, носящие иронический характер, создают несколько негативное восприятие контекста.

Метафоризация пространства достигается семантическим переносом в генитивных конструкциях созданное человеком / созданное природой: *le sucre blanc des embruns*, где синестезия, основанная на плеоназме, приводит в соответствие цвет и вкус, *une draperie de poudre grise, la croute sèche d'anciennes flaques, l'orée du village* и антропоморфизм: *la succion du compost*. Адъективная метафора также активно участвует в метафоризации пространства и образа ветра и шкурки, придавая им антропоморфные черты. В формировании их образов участвуют эпитеты, несущие эмоциональную и оценочную коннотацию: *les pailles volantes, une tuile plus agile, des herbes folles, un cône incertain, un zigzag imprévu, un bond grotesque*. Эмоциональность усилена интонационно-маркированной препозицией эпитета *de grands gestes gauches*.

Под влиянием эпитетов в сочетании с субстантивными формами формируется образ шкурки кота, которая приобретает разные значения в процессе развития действия: искусственное (*spongieuse et plastique*), пустое (*vide, vide du vide, sans substance*), слабое (*léger, efflanqué, gauche, ivre*), неживое (*impalpable, le végétal sec, la paille ancienne*). Эмоциональные характеристики ветра и шкурки вводят причастия прошедшего времени, которые образуют переносное значение глагольного действия: *arraché, oublié, disloqué*.

Цветовое решение пространства главы приобретает символическое значение. Цветовая палитра представлена семь адъективными лексемами: *blanc, bruni, gris (2 раза), noir (2 раза), vert*. Белый цвет — это символ радости и веселья, это «ве-

ликое безмолвие, полное возможностей». Коричневый — символ угасания. Серый — символ безысходности и невозможности прежней жизни. Черный — символ духовной и физической смерти. Зеленый — символ возможности обретения мудрости и покоя [1].

Динамика цветовой палитры соответствует динамике жизненного пути Жакмора в романе. Солнце в отрывке, символ света, является не только символом жизни для зарождающихся колосков, но и символом смерти: оно иссушает шкурку кота, подобно старой соломе.

В отрывке присутствует аллюзия на безумие Жакмора. Она имплицитно прослеживается в цветовой характеристике субстантивной лексемы *les pailles* (солома), которая имеет желтый цвет, символический цвет безумия, и эксплицитно в метафорической характеристике трав *les herbes folles*.

В описании автор использует синтаксический параллелизм. В первом и последнем предложениях отрывка присутствует синтагматическая конструкция *des pailles anciennes des meules oubliées au soleil*. В первом случае она является составляющей топотезии, а во втором случае составляющей компаративной конструкции, где тема представлена метонимически гипаллагой, подчеркивающей качества носителя, который в свою очередь выражен расширяющейся синекдохой.

В отрывке персонифицированное пространство подчеркивает одиночество героя перед лицом тайны и смерти.

Анализируемая глава является ярким примером концентрации тропов и их конвергенции. Это, прежде всего, компаративные тропы: метафора (субстантивная, генитивная, вербальная, адъективная, сильное приложение), сравнение, олицетворение, а также метонимия. Основные типы взаимодействия тропов: 1) вербальная метафора, олицетворение, генитивная метафора; 2) вербальная метафора, олицетворение, субстантивная метафора; 3) вербальная метафора, олицетворение, адъективная метафора, сильное приложение; 4) олицетворение, метонимия, сравнение, адъективная метафора; 5) олицетворение, адъективная метафора, сравнение; 6) генитивная метафора, олицетворение, адъективная метафора; 7) олицетворение, сильное приложение, субстантивная метафора; 8) метонимия, олицетворение, вербальная метафора, сравнение, адъективная метафора.

Тропы являются важной составляющей локально-темпоральной лексики, создающей хронотоп главы. Они метафоризируют пространство, движение, субъекты и объекты которых олицетворяются, сравниваются с представителями других миров, обретают метонимические обозначения. Метафора и метонимия участвуют в создании контекстуальных синонимов, цветообозначения, а также плеоназма и синтаксического параллелизма.

Анализ фрагмента из романа «L'Arrache-coeur», который мы проделали в этой статье, позволяет выделить главные особенности образной системы Виана:

- 1) виановский текст интенсивно тропеичен; по насыщенности тропами он напоминает скорее поэзию, чем прозу;
- 2) в нем ярко выражен антропоморфизм;
- 3) основные тропы многозначны, тяготеют к развернутому варианту (*personification filée, métaphore suivie*);

4) внимание читателя останавливают такие редкие и потому особенно экспрессивные тропы, как катакреза и синестезия («*bruyères stridentes*», «*filis aigus de bruit*»).

5) оригинальна структура виановских тропов, во многих случаях один троп разворачивается не после другого, а как бы встраивается, врастает в него: внутрь развернутого олицетворения «ветер» вставляется метафора «белый сахар», изображающая брызги волн, и метафора «драпировка» серой пыли; внутрь персонафицированной гиперболы «вихрь» о ветре, который гуляет по деревне и гонит шкурку кота, встраивается сравнение со старой газетой, которая катится по пляжу, и сравнение кота с пьяной вороной и т.п. Тропеический ряд у Виана выстраивается не как последовательность, а как инклюзия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992.
- [2] *Макарова Н.Е.* Система сравнений в романах Бориса Виана // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2009. № 1(5). С. 121—127.
- [3] *Макарова Н.Е.* Система тропов прозы Бориса Виана: метафора // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2010. № 3 (11). С. 136—144.
- [4] *Vian B.* L'Arrache-Coeur. Paris: J-J. Pauvert, 1962.

BORIS VIAN'S TROPES IN MACROCONTEXT

N.E. Makarova

Smolensk State University
Przhevalsky str., 4, Smolensk, Russia, 214000

This works investigates the system of tropes as an important component of idiostyle of a French writer — Boris Vian, mostly given functional-stylistic characteristics of the tropes when used in macro-context.

Key words: idiostyle, tropes, metaphor, metonymy, comparison.